

*Истину ищут одиочки и порывают
со всеми, кто любит ее недостаточно
Борис Пастернак*

Борис Мансуров

Лара моего романа

Борис Пастернак и Ольга Ивинская
(Издание второе, дополненное)

*Памяти Мити (Дмитрия Виноградова)
и моей сестры Аллы Мансуровой посвящаю эту книгу*

УДК 801.731

ББК 83-34

Б.М. Мансуров. Лара моего романа: Борис Пастернак и Ольга Ивинская. — Издание второе, дополненное. — М.: инфо МЕДИА, t8group, 2015. — 464 с.: ил. 114.

ISBN 978-5-519-48676-7

В основу этой книги положены записи бесед автора с Ольгой Ивинской — последней любовью и музой Бориса Пастернака. Читателям, интересующимся творчеством великого русского поэта, будет интересно узнать, как рождались блистательные стихи из романа «Доктор Живаго» (прототипом главной героини которого стала Ивинская), создавался стихотворный цикл «Когда разгуляется», как шла работа над гениальным переводом «Фауста» Гете. В дополненном издании отдельная глава посвящена непрекращающимся и в двадцать первом веке атакам на Пастернака и его роман «Доктор Живаго». Несомненный интерес читателя вызовет приведенное в книге расширенное интервью с журналистом Серджо д'Анджело об итальянских приключениях «Доктора Живаго» и судьбе издателя романа.

В воспоминаниях Б. Мансурова содержатся поистине сенсационные сведения о судьбе уникального архива Ивинской, завещании Пастернака и сбывшихся пророчествах поэта.

Для самого широкого круга любителей русской литературы.

ISBN 978-5-519-48676-7

© Б.М. Мансуров. Текст, фото, 2015

© инфо МЕДИА, 2015

© t8group, 2015

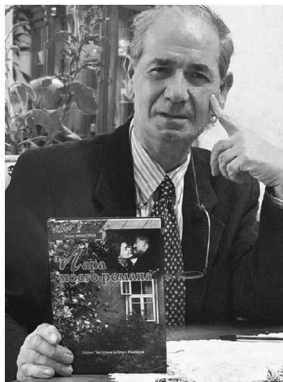
ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	
О книге и ее авторе	4
Вместо придесловия	
Встречи с Ольглой Ивинской	6
Глава первая	
Ольга — Лара — Маргарита	
Стихи и переводы Бориса Пастернака	
созданные после встречи с Ольглой Ивинской	60
Глава вторая	
Судьба архива Ольги Ивинской	202
Глава третья	
Завещание Бориса Пастернака	232
Глава четвертая	
Друзья, родные милый хлам	252
Глава пятая	
Как сбылось пророчество Бориса Пастернака	272
Глава шестая	
Пастернак и Рената Швейцер	326
Глава седьмая	
Отзовы на первое издание книги	
«Лара моего романа»	348
Глава восьмая	
Столетия плывут из темноты	374
Приложения	
Ольга Ивинская	429
Вадим Козовой	437
Израиль Борисович Гутчин	445
Константин Богатырев	452
Серджо д'Анджело	458
Библиография	462

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

*Истину ищут одиночки
и порывают со всеми,
кто любит ее недостаточно.*

Борис Пастернак

Борис Мансуров – с книгой
«Лара моего романа»,
Первое издание.
Фото: Леона Осеяна

«Лара моего романа» — так написал поэт Борис Пастернак об Ольге Ивинской, которая была его последней любовью и прототипом главной героини «Доктора Живаго». Книга, которую вы сейчас держите в руках, рассказывает об этой любви, о верности и гражданском мужестве людей, наделенных доброй душой и удивительным талантом, об их жизни в условиях советской действительности. Читателю откроются яркие — в том числе малоизвестные и почти никому не известные до сей поры — страницы пастернаковского творчества того периода, когда в ответ на присуждение поэту Нобелевской премии на него с яростью набросились советские писатели и власти. Не сломаться, выдержать агрессивный натиск системы, на себе испытать предательство «друзей и родных» и продолжать творить — это стало возможным только благодаря поддержке близких по духу людей, таких, как Ольга Ивинская и ее дети Ирина и Митя, как Ариадна Эфрон (дочь Марины Цветаевой) и преданные друзья: замечательный русский писатель Константин Паустовский, Костя Богатырев и Кома Иванов.

Автор книги Борис Мансуров, ученый в области «Микроэлектроники», имеющий более 70 научных публикаций и более 40 изобретений, с 1988 года был знаком и дружен с Ольгой Ивинской, ее сыном и дочерью. Благодаря его стараниям впервые в России в 1992 году вышла в свет книга воспоминаний О. Ивинской «Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени». Эта книга в конце 1970-х годов была издана в двадцати странах мира, но запрещена в СССР. Борис Мансуров сумел записать и сохранить воспоминания о встречах и разговорах с Ольгой Ивинской, включая более сотни откровенных, увлекательных бесед, которые касались малоизвестных фактов, ситуаций, обстоятельств жизни и творчества Бориса Пастернака.

Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1995) рассказала о реальных причинах и истоках рождения блистательных стихотворений из «тетради Юрия Живаго», знаменитого цикла стихов «Когда разгуляется» и всемирно известного перевода романа Гете «Фауст».

С 1994 года Борис Мансуров участвовал в заседаниях судов по делу об «архиве Ивинской». Он приходил туда вместе с ее сыном Митей — Дмитрием Виноградовым, страдавшим от неизлечимой болезни. Острые, откровенные Митины оценки важных эпизодов жизни его матери и Бориса Пастернака постоянно присутствуют в тексте книги.

Читатель узнает о причинах изъятия следователями КГБ в 1949 и 1960 годах архива Ивинской и о том, почему он и сегодня не возвращен законным владельцам.

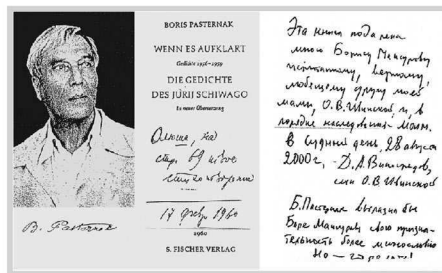
Специальная глава посвящена рассказу Ивинской о завещании Пастернака и включает материалы из публикаций, вышедших после смерти Ольги Всеволодовны. Это сборник «А за мною шум погони...» (2001), книги Зои Маслениковой «Портрет Бориса Пастернака», Карло Фельтринелли «Senior Servis. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли» (2003), Серджо д'Анджело «Дело Пастернака. Воспоминания очевидца» (2007), а также письма Ариадны Эфрон к О. Ивинской и И. Емельяновой из книги «Жизнь есть животное полосатое», 2004.

Большая глава книги посвящена интереснейшей переписке Пастернака с «пламенным другом» из Германии Ренатой Швейцер — об этом, к сожалению, пока очень мало известно российским читателям.

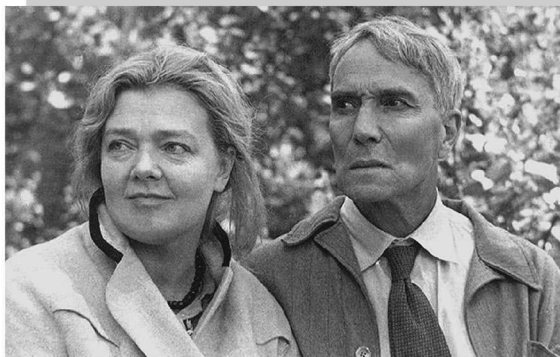
Книга «Лара моего романа» проиллюстрирована уникальными фотографиями. В приложении дана краткая биографическая информация об Ольге Ивинской, Вадиме Козовом, Израиле Гутчине, Константине Богатыреве и Серджо д'Анджело.

Ранее публикации Б. Мансурова о Борисе Пастернаке и Ольге Ивинской выходили в журнале «Большой Вашингтон» (США) и в парижских изданиях — журнале «Грани» и газете «Русская мысль».

Автор этой книги, которая безусловно найдет своего читателя в России и за рубежом, — ведь интерес к творчеству выдающегося поэта России растет, — бережно хранит редкое издание с автографом Бориса Пастернака, подаренное ему сыном Ольги Ивинской. На титуле — дарственная надпись, исполненная символического смысла:

Эта книга подарена мною Борису Мансурову, испытанному, верному, любящему другу моей мамы, О.В. Ивинской, и, в порядке наследования — моему. В судный день 28 августа 2000 г. Д. А. Виноградов, сын О. Ивинской. Б. Пастернак выразил бы Боре Мансурову свою признательность более многословно. Но — что делать!

Борис Пастернак у Ольги Ивинской в Измалкове. Лето 1953 г.

ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ

Встречи с Ольгой Ивинской

«О, как я люблю тебя...» — пишет Пастернак из Тбилиси Ольге Ивинской¹ в феврале 1959 г. И в другом письме, отправленном Ольге через три дня: «Милая моя жизнь!» Эти слова написал Борис Пастернак своей возлюбленной из тбилисской ссылки. Его выслали в Тбилиси из Москвы на время пребывания в столице правительственной делегации из Великобритании. Премьер-министр Гарольд Макмиллан включил в свою программу встречу с Борисом Пастернаком — Нобелевским лауреатом 1958 года по литературе, однако после многомесячной травли поэта, инспирированной партийными идеологами в ответ на присуждение ему Нобелевской премии², этой встречи советское правительство допустить не могло. Органы госбезопасности, осведомленные о том, что многие журналисты хотели встретиться с Ларой романа Пастернака «Доктор Живаго», отправили Ивинскую из Москвы в Ленинград. Об Ольге-Ларе широко было известно за рубежом из писем Бориса Леонидовича к сестрам в Англию, из интервью

1 В письме от 1 ноября 1957 г. к сестрам в Англию Пастернак сообщает: «Надо сказать о той роли, которую последние 10 лет играет в моей жизни Ольга Ивинская, Лара моего романа ... Это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое время века, что надо сделать, подумать, написать».

В письме к другу Ренате Швейцер, адресату из Германии, в мае 1958 г. Пастернак пишет: «Во втором послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Ивинской. Она и есть Лара моего произведения, которое я в это время начал писать. Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней незаметно, что она в жизни перенесла... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела».

2 Подробнее об этом см.: *Ивинская О.В.* Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. — М.: 1992 г.

Фельтринелли — издателя «Доктора Живаго», из выступлений немецких журналистов, посещавших Ивинскую и Пастернака в Москве и Измалкове. Об этом рассказывал во Франции и Англии французский аспирант, славист Жорж Нива, друживший с дочерью Ольги Всеволодовны Ириной, студенткой литературного института.

Впервые я услышал стихи Бориса Пастернака осенью 1953 года в Самарканде, где родился и учился у выдающихся педагогов, сосланных или эвакуированных во время войны из Ленинграда и Москвы. Уровень преподавания был очень высоким: из 53 выпускников 1954 года золотых медалистов было 12, серебряных — 7. В тот год 21 выпускник нашей школы отправился поступать в вузы Москвы и Ленинграда, и все поступили.

Наша учительница русского языка и литературы Жозефина Людвиговна — немка, высланная в начале 1941 года из Ленинграда, — впервые прочла нам, ученикам десятого класса школы №37 имени Пушкина осенью 1953 г. пастернаковский «Марбург» и цветаевское «Моим стихам ...».

Когда я учился в Московском энергетическом институте, до нас, технарей, осенью 1958 года докатились «волны народного гнева», захлестнувшие «клеветника и предателя» Пастернака, которому «подлые империалисты заплатили 30 сребреников! в виде Нобелевской премии». Мой однокурсник и сосед по комнате в общежитии, 30-летний Халик, член КПСС, проводил с нами разъяснительную беседу об антисоветской роли Бориса Пастернака. Эти материалы ему выдали на внеочередном партбюро факультета в МЭИ, чтобы остановить возможное брожение умов: студенты ведь не читали романа Пастернака и могли не понять причин «всенародного гнева».

В 1993 году я рассказал Ольге Ивинской о просветительских беседах моего однокурсника, члена КПСС со студентами.

И вот что она поведала мне о событиях той осени 1958-го:

— В то время Евгений³ уже не служил в армии и работал преподавателем — по-моему, как раз в МЭИ. Он был членом партии и, конечно, по требованию партийной организации и органов вынужден был приехать утром 28 октября 1958-го в Переделькино и вместе с Леней⁴ потребовать от отца оказаться от Нобелевской премии. Об этом в гневе говорил Борис Леонидович, когда неожиданно в полдень пришел в нашу избу совершенно опустошенным и при Мите стал просить меня вместе уйти из жизни.

— Леня говорил мне о шантаже органов осенью 1976 года, потрясенный убийством Кости Богатырева. Он сообщил, что 27 октября 1958-го его вызвали в МГУ на беседу с участием неизвестных в штатском и сказали, чтобы завтра он не приходил на занятия, а отправился с утра к отцу

³ Евгений Борисович Пастернак, сын Бориса Пастернака от первой жены, Евгении Лурье.

⁴ Леонид Пастернак, сын Бориса Пастернака от второй жены, Зинаиды Нейгауз.

в Переделкино. Ему заявили, что если Пастернак не откажется от Нобелевской премии, его, Леню, исключат из МГУ и отправят в армию на перевоспитание как члена семьи антисоветчика.

— Борю я успокаивала, убеждала, что власти вынудили детей прийти к отцу с ультиматумом. Мне непонятно, почему до сих пор Евгений сам об этом не написал. Борис Леонидович говорил тогда, что советская власть непрерывно превращает детей в Павликов Морозовых.

Я прочел «Доктора Живаго» уже после окончания МЭИ. Наша однокурсница Нонна Вулис достала его нелегальную фотокопию. Меня поразили и сам роман, и стихи Юрия Живаго. Особенно запомнились «Мело, мело по всей земле...», «Свидание», «Август» и «Рождественская звезда».

С набиравшей обороты перестройкой на радио зазвучали стихи Пастернака, и вот с первых номеров 1988 года журнал «Новый мир» стал печатать роман «Доктор Живаго». А в начале октября того же года, когда мы с женой смотрели по телевизору еженедельную литературную передачу, произошло нечто странное. Прошли три 12-минутных сюжета, и оставалось минут пять до окончания программы, как вдруг на экране появилась женщина в летах со следами былой красоты. В интерьере, состоявшем из старинного зеркала и лампы в стиле викторианской эпохи, незнакомка рассказывала о Пастернаке, об их любви, о скандале, связанном с его романом, а также о стихах, которые поэт посвятил ей: «Мело, мело по всей земле», «Засыплет снег дороги», «Я кончился, а ты — жива»...

— Наша любовь вспыхнула осенью 1946 года после встречи с Борисом Леонидовичем в редакции «Нового мира», где я работала в отделе поэзии, — рассказывала с экрана таинственная женщина.

Ведущий, находившийся за кадром, попросил: «Ольга Всеволодовна, расскажите об аресте и погибшем в тюрьме ребенке от Бориса Пастернака...» Но ответа не последовало, сюжет оборвался, изображение исчезло, оставив нас в полном изумлении. Значит, жива женщина, которую любил Пастернак и которой посвятил свои стихи? Что за булгаковщина?!

Мы в недоумении переглядывались, а по экрану ползли титры: «Режиссер Олег Корвяков»... Так ведь Корвяков, известный режиссер, получивший в 1985 году Государственную премию за два фильма из сериала к 40-летию победы в Великой Отечественной войне, — мой школьный друг из Самарканда. Как могло случиться, что он не позвонил мне, не сообщил о показе его работы на телевидении? Ведь он всегда это делал!

Звоню Олегу домой — возмущаюсь. Оказывается, он сам удивлен демонстрацией его сюжета об Ивинской на Центральном телевидении. Попросил впредь говорить об этом только при личной встрече.

Вскоре мы встретились. Олег сообщил, что более двух часов снимал свою беседу с Ольгой Ивинской в ее квартирке на Вятской

улице и сделал 15-минутный сюжет для телевидения. Однако где-то наверху тема «Пастернак и Ивинская» вызвала резкое недовольство, и сюжет не пустили в эфир: в 1988 году еще оставалась в силе советская система с ее органами госбезопасности. Однако в урезанном виде материал об Ивинской в последний момент все же поместили в передачу — похоже, требовалось оправдать статью расходов на съемку сюжета, чтобы можно было составить убедительный отчет для руководства о финансовых тратах.

Олег рассказал о том, что Ивинская — последняя любовь Бориса Пастернака, что ей поэт посвятил большинство стихов, вошедших в тетрадь Юрия Живаго, что облик Ивинской и черты ее характера присутствуют в образе Лары — главной героини романа. Об этом писал Борис Леонидович в своих письмах. Ольга Всеволодовна могла бы рассказать много интересного и никому пока не известного из их жизни с Борисом Пастернаком.

За любовь к опальному поэту и верность своему чувству Ивинскую дважды отправляли в советские концлагеря: в 1949-м по приказу Сталина, а в 1960-м, после смерти Пастернака, — по указанию Хрущева. Эта женщина — редкий пример того, как человека из литературной среды, попавшего в тюрьму при «безумце и убийце» (определение Пастернака) Сталине, бросили в нее снова и при так называемом демократе, а по мнению Пастернака — «дураке и свинье» Хрущеве, который, успешно развенчав культ личности своего предшественника, наломал немало дров в роли Первого секретаря ЦК КПСС.

Ольга Ивинская осмелилась любить и защищать от советской власти непокорного поэта Бориса Пастернака, которого никак не получалось загнать в стойло соцреализма. Ивинская рассказывала про возмущение Пастернака тем, как после Первого съезда писателей в 1934 году Сталин с помощью Горького затолкал всех писателей в один загон и больше не разрешил провести при своей жизни ни одного съезда⁵. Когда Борис Леонидович спросил об этом парадоксе члена Правления СП СССР Константина Федина, тот сказал, что Сталин считает писательские съезды вредной говорушкой. *«Зачем отрывать их от работы? Пусть лучше пишут, а когда мы даем им премии — пусть говорят, что думают».*

Второй съезд Союза писателей состоялся только в 1954 году, после смерти Сталина.

С 1940 года кремлевский хозяин ежегодно раздавал послушным советским писателям и деятелям культуры многочисленные Сталинские премии с денежными подачками. Видные соцреалисты поощрялись многократно: Константин Симонов получил Сталинскую премию пять раз, Алексей Толстой — три раза, причем третью —

⁵ В письме к С.А.Оболенскому в 1954 г., завершая вторую часть «Доктора Живаго», Пастернак пишет: «Зачем хотите Вы приобщить меня благодати соцреализма? Мои труды и стремления поистине между восторгами жизни и смерти, а не между проблемами соцреализма и Второго съезда писателей».

в 1946 году, посмертно, Федин и Сурков награждались дважды. Пастернак никогда не удостоивался этой премии — Сталин так и не дождался от него увековечивания в романе, хотя много раз посылал писателю сигналы. При Хрущеве Пастернака также никогда не награждали бывшей Сталинской, ставшей затем Государственной премией. Но, как говорил известный писатель, проводивший более 15 лет в советских концлагерях, Варлам Шаламов: — Одна литературная Нобелевская покроеет тысячи холуйских Сталинских.

— Потому тема «Пастернак и Ивинская» крайне нежелательна для органов и советского литературного ареопага, — заключил свой рассказ мой школьный друг режиссер Олег Корвяков.

Я стал просить Олега устроить встречу с Ивинской, чтобы поблагодарить и подарить ей цветы. Олег пояснил, что Ольга Всеволодовна избегает встреч с незнакомыми людьми, опасаясь провокаций, но он попытается уговорить ее принять меня. Дней через пять Олег диктовал мне номер ее телефона. На мой звонок ответил строгий мужской голос, допытывавшийся, почему я хочу посетить Ивинскую. Я долго ему что-то объяснял, как вдруг услышал голос женский: — Поскольку вы друг Олега Корвякова, я вас приму дома. Приезжайте 31 октября к 17 часам, улица Вятская...

И вот день 31 октября 1988 года наконец наступил. Я купил семь сине-сиреневых хризантем и коробку конфет, взял журнал «Новый мир» с главами «Доктора Живаго» и помчался на встречу с последней любовью великого поэта.

Дверь мне открыл суровый мужчина, на вид, лет 50 и сразу предупредил:

— Мама чувствует себя плохо, прошу не задерживаться больше 15 минут.

— Митя⁶, что же ты сразу пугаешь гостя? — слышу мягкий голос из комнаты, — Входите, входите.

— Друг Олега — и мой добрый друг, тем более и имя у вас родное — Борис.

⁶ Виноградов Дмитрий Александрович (1941–2004), сын Ивинской, которого мама, сестра Ирина и все друзья называли Митей. С пяти лет он рос в сложной атмосфере жизни и любви матери и гениального поэта, чье творчество полюбил еще в юности. Митя знал наизусть более 200 стихотворений Пастернака.

Ближайшими друзьями Дмитрия были знаменитый актер Владислав Дворжецкий, известная актриса Майя Булгакова, всемирно известный художник Борис Мессерер, произнесший слова прощания на похоронах Мити, актриса Татьяна Лаврова, организатор киноиндустрии Валерий Нисанов... Но лучшим другом Мити была, конечно, его мама. Митя относился к ней с нежностью и восхищением. В дни нобелевской травли Митя был рядом с Пастернаком, сопровождая его в смутное время по пути из Измалкова в Переделкино и во время возвращения из Москвы на Большую дачу. Мите тогда пришлось проявлять твердость и волю для защиты поэта.

В память об этих днях Пастернак подарил ему картину своего отца, Леонида Осиповича Пастернака. На портрете Льва Толстого Пастернак сделал дарственную надпись: «Дорогому Мите Виноградову, опростоволоченному и одаренному молодому человеку, с пожеланиями, чтобы его крутой и обрывистый юношеский путь выровнялся и стал легче. С любовью и верой в него».

Б. Пастернак